

Пролог

В скромной прибранной комнате срубового дома четко цокали часы. Уверенно, привычно, ладно. За мутным стеклом серебрился потертый циферблат с черными стрелками, и медный маятник привычно качался из стороны в сторону. Этот перестук хозяин дома знал с детства и мальчишкой подолгу и замороженно слушал. «Цок-цок, — неторопливо щелкал механизм, — цок-цок...» Он заводил часы каждую неделю, как наказала перед смертью родная бабка Чернуха — деревенская колдунья, знавшая тайные врата из мира живых в мир мертвых. Жрица богини Мары. Если бы он тогда, юнцом, не пришел к ней и не попросил о великом чуде, может быть, и жизнь сложилась иначе. И не было бы того кошмара, в который он сам безоглядно отправил себя. В оковы, в путы, в жалящие вериги. Но он любил со всей юношеской страстью ту женщину, страдал и страшился потерять ее навсегда, потому и выпросил! И выполнил все заветы бабки. Все отчитал у смертного ложа. Все черные молитвы. «Цок-цок, — безучастно чеканил механизм, — цок-цок...» А насчет этих часов бабка Чернуха перед смертью дала наказ: «Ты, Саввушка, заводь их, не забывай, — сказала она. — Пока они ходят, и дом этот жив...»

— Ну что, сокровище ты мое? Вырвалась на волю, похулиганила?

Худой и высокий, в рабочем халате, заляпанном краской, с копной седых волос, он держал в руках удивительной красоты рыжеволосую куклу с яркими зелеными глазами. Такими живыми, какие не у каждого человека бывают. И платье на ней было бордовое с золотом — под стать принцессе. Сам ее сотворил, собственными руками, своей душой, исстрадавшимся сердцем. Горели зеленые глаза и смотрели на него — зло смотрели!

— А теперь опять в шкатулочку пора, так-то. Ну и дура ты, ах, дура, — сокрушенно покачал головой старик. — Все по-своему решила, да? Детектива того, тоже дурака, с ума свела. И еще с пяток богачей-недоумков. Понимаю. С таким-то телом роскошным — подобрала ведь! — и таким норовом. — Говорил он с расстановкой, но монолог его звучал так, будто вел он самый живой диалог. — Дала ты мне его полюбить на старости лет, тело свое, сжалилась, а потом перешагнула через меня, когда я на полу корчился. Помнишь, в той гостинице, в городке нашем? А-я-яй! — У него вырвался сухой смешок. — То, что я у тебя это тело отнял, извини. Нечего было меня ломать. Мучить старика. Потому что иное обещала — и я ждал этого, всю жизнь ждал! — Теперь уже в его глазах вспыхнул гнев. — Душегубствовал ради тебя! И свою душу за тебя продал. А ты, подлюка?! Всегда норовистая была! Еще девчонкой! И лгуньей была! И потаскухой! — Старик зло и весело покачал головой: — Ой, какой ты была потаскухой! — Он прищурил один глаз. — Что говоришь? Ненавидишь меня? Да неужели? Ну и ненавись, голубка, твоя воля. — Его гнев уходил также быстро. — Теперь с этой ненавистью належишься в шкатулочке — между небом и землей. В саване будешь лежать, как покойница. Только огонек и будет тлеть в твоей груди, — с улыбкой кивнул он, — еще как будет! Ну и пусть себе тлеет, пусть. Ты теперь мучайся — твоя очередь...

На столе была приготовлена старая тонкая скатерка.

— Ложись-ка сюда, — укладывая куклу, проговорил он. — Вот так, поудобнее...

Он нянчился с ней как с малым ребенком, а если кто услышал этот странный монолог да потрудился рассмотреть глаза старика, то поскорее отступил бы, шажок за шажком, спиной, и ушел бы восвояси. Все это выглядело чистым безумием, и старик смотрелся сумасшедшим. Он будто хоронил заживо ту, которую любил и ненавидел одновременно.

Впрочем, так оно и было.

Заглянув еще разок в зеленые глаза, старик бережно запеленал куклу в скатерку и оставил на столе. Затем подошел к старинному платяному шкафу, потянулся и достал с его верха большой древний чемодан, перехваченный обручами, с коваными железными углами.

— А вот и твой саркофаг, милая, — усмехнулся старик, положил чемодан на тот же стол, рядышком, и открыл его.

В чемодане была противоударная поролоновая форма. Старик присмотрелся, пошарил рукой и вытащил со дна ключик. Аккуратно поместил в форму завернутую в скатерку куклу.

— Поудобнее ложись, поудобнее, — приговаривал он, устраивая ее так, как заботливая мать укладывает своего ребенка в люльку, а потом еще и одеяло подтыкает под ножки. — Ну вот, девочка, — наконец выговорил он. — Ты и в своей могилке. В пелене и в саркофаге, как египетская принцесса. Ну а теперь прощай, буду заходить к тебе раз в неделю, когда придет пора завести часы бабки Чернухи. Как-никак, а ты в ее комнате, что символично: она тебя вытащила из вечной тьмы, а теперь и сторожить будет.

Он крепко закрыл чемодан, щелкнул замками, запер их ключом, положил тот в карман. Затем из ящика буфета вытащил клубок бельевых веревок и стянул ими чемодан

оборотов в десять. И только потом, прихватив легкую ношу, отправил ее обратно на шкаф.

Не оглядываясь, как палач, сделавший свое дело, он вышел из комнаты и запер ее, но уже другим ключом.

«Бабка Чернуха, жрица Мары, стереги ее, — шагая по коридору просторного старинного дома, с улыбкой думал он. — Может быть, до срока, пока я не найду для нее новый сосуд».

Пятьдесят пять лет назад у жрицы богини Мары он попросил вернуть возлюбленную, без которой и жизни не представлял. Она выполнила волю внука. Жена деда Берендея, жреца бога лжи и обмана — Морока. Веселая была у них семья! Колдуны-ведуны, страх наводившие на всю округу.

Он прошел по длинному коридору, оказался в сенях, затем распахнул дверь и вышел на крыльцо, полной грудью вдохнул морозный воздух. Каркали вороны над их садом. Пахло первым снегом и еще отголосками пожухлой осенней листвы. За домом равномерно стучал топор — там кололи дрова.

— Благодать-то какая! — вдохнув поглубже и зажмурившись, пропел старик. — Благодать...

Но от родной крови не уйдешь. И не уйдешь от того дара, который передается с этой кровью по воле верховного владыки — Чернобога. Никому другому не был передан этот дар в семье — только ему. А стало быть, он и должен поступать так, как поступал. И душегубствовал, и лгал людишкам, окружавшим его, но шел вперед. Так истинный естествоиспытатель, невзирая на мораль, грезит будущим великим открытием, живет им и однажды обретает истину. А то, что следовал путями страстей, искал свою сердечную выгоду, — так он все-таки живой человек и подвержен слабостям. Перед Богом каяться он не станет — тот все равно не простит, а вот у своего божества заступничества попросит, когда придет срок, и верит, что Чернобог помо-

ЛИЛИТ. Кукла из вечной тьмы

жет ему. Спрячет от казни душу его. Не отдаст мстительным и жестоким ангелам.

Старик поежился, растер сухие, но все еще сильные руки.

— Гришаня! — крикнул он и прислушался: топор настойчиво бил и бил. — Гришаня! — еще громче повторил он.

Стук топора смолк.

— Глухарь, — немного презрительно бросил старик.

Из-за дома на тропинку вышел жилистый длиннорукий парень в телогрейке. Подошел к крыльцу. Его хищное лицо и колючий взгляд отталкивали. Такого на дороге встретишь хоть в темную пору, хоть в светлую — обойдешь.

— Чего?

— Чего? Того, — передразнил его длинный старик. — Обед готов, работник? Ты мне щи со свининкой обещал, помнишь?

— Так сварились уже. На плите стоят.

Старик сменил гнев на милость:

— Молодчинка. Тогда мой руки, трудоголик, и к столу приглашай. И наливку нашу поставь крепкую, помянем кой-кого. Тризна у нас сегодня, Гришаня, плакать будем, — неожиданно мрачно рассмеялся старик. — Горючими слезами таки обольемся. Ну все, все, не тарачись на меня, в дом иди... А я постою еще пару минут на крыльчке, вспомню кой-чего, о чем сердце просит...

Три месяца спустя, в начале марта, недалеко от водонапорной башни на дальней окраине села Зырино остановился внедорожник. Из него вышел молодой бородач в пуховике, шапке-ушанке и темных очках. Оглянувшись по сторонам, перешел пустую сельскую улицу и направился к старинному дому за высоким забором. Открыл калитку и так, будто тут он уже был, и не раз, устремился по укрытой раскисшим снегом тропинке к крыльцу. За домом горел

костер, синий дым валил обрывками в весеннее небо. Молодой бородач взбежал по ступеням, еще раз огляделся, вытащил из-за пазухи ствол с глушителем и спрятал руку за спину. Покосился на тропинку слева — никого. Нажал на кнопку звонка.

Быстрые шаги за дверью. Стукнула щеколда, щелкнул замок. Молодой жилистый подмастерье с рожей хорька в рабочем халате, заляпанном охрой, уставился на бородача:

— А где краска?

— В магазине, я так думаю, — весело ответил незнакомец. — А где хозяин этой хаты, Гришаня? Колдун дома?

— Кто там? — громко спросили из глубины дома. — Краску привезли?

— Не узнал? — снисходительно улыбнулся бородач. — Видать, жить долго буду.

Вот когда исказилась рожа молодого хорька, он рывком сунул руку в карман рабочего халата, выхватил оттуда канцелярский нож, стремительно выехало лезвие, но ему между глаз уже смотрел черный ствол с навинченным глушителем.

— Сука, — только и проговорил подмастерье.

Два коротких выстрела — и Гришаня, захлебнувшись хрипом, отступил и шумно повалился на пол коридора.

— Банки не перебей, Гриша! — настоятельно крикнули из глубины дома.

Бородач оглянулся на молчаливый сад и пустую улицу, переступил порог и закрыл дверь на щеколду. Случайный доставщик краски ему был совсем не нужен. Вытащил из кармана телефон и сделал три снимка убитого. Усмехнулся: у хорька было такое выражение на ощерившейся физиономии, будто он кого-то хотел перед смертью тяпнуть, да покрепче, только не вышло. Бородач прислушался. Кажется, в глубине дома что-то напевали. Доброе и веселое. Совсем детское.

ЛИЛИТ. Кукла из вечной тьмы

Держа пистолет двумя руками, гость двинулся по хорошо знакомому коридору в сторону мастерской.

— «Мы едем, едем, едем в далекие края, — увлеченно мастера куклу, напевал старик. — Хорошие соседи, веселые друзья».

Он мастерски клеил из нарезанных листов бумаги папье-маше смешное лицо Петрушки. Сложная техника, доступная только опытным профессионалам. В театре «Лукоморье» с нетерпением ждали новые эскизы его будущих шедевров. Вся мастерская была уставлена и увешана и заготовками, и болванками, и готовыми куклами, и платьями для них.

— «Нам весело живется, мы песенку поем, и в песенке поется о том, как мы живем. — Старику нравилось работать и напевать одновременно. — Тра-та-та! Тра-та-та! Мы возьем с собой кота, чижика, собаку, Петьку-забияку, обезьяну, попугая — вот компания какая! Вот, — задиристо выстрелил он рефреном, — компания какая!..» Гришаня, кто там был? — не оборачиваясь, спросил старик. — Должны были краску привезти, они все время опаздывают, — риторически посетовал он. — И что там упало? Слышишь?

— Это Гришаня упал, — ответили за его спиной. — А с краской и впрямь задержка.

Выронив клеевую кисть, старик обернулся на чужой голос.

— «Вот компания какая», — повторил бородатый гость в темных очках последнюю строчку припева. — Ну здравствуйте, Савва Андронович.

Только теперь старик понял, что держит в руках незнакомый бородач. И что направлено на него — дуло пистолета с глушителем.

— Вы?! — дошло до него.

Хозяин дома хотел подскочить, но гость остановил его:

— Сидеть! Место, старый колдун, место.

Старик быстро успокоился. И лихорадочно усмехнулся:

— А вас с бородой не сразу узнаешь.

— Мы живем в удивительном мире — повторений, обманов, ошибок. Все это уже было. Правда, Савва Андронович? Но на этот раз Гришаня вам уже не поможет — он вышел из игры.

— Ну и черт с ним, — зло процедил старик.

— Ответ в вашем духе. Человеческая жизнь всегда была для вас пустяком.

— Она и есть пустяк.

— Не сомневаюсь. Но мы учимся по ходу. И сегодня вы не разведете меня на экскурсию по дому, чтобы я провалился в очередной погреб.

Лицо кукольника исказила язвительная улыбка:

— Как же вам удалось выбраться из моего капкана? Я сделал все, чтобы вас обвинили в смерти Лики Садовниковой, моей Лилит, и навсегда заперли в клетке. Наконец, чтобы этот глупый ревнивый олигарх от вас мокрого места не оставил. И вот вы здесь. Каким образом?

Но бородач только отрицательно покачал головой:

— Не ваше это дело. Кукла, Савва Андронович, мне нужна кукла. Мне нужна Лилит... Та, которую вы забрали у *нее*, — на этом слове он сделал особое ударение, — у моей Лики. Мне нужен сосуд, который вы наполнили вновь, когда убили ее.

— Лилит не игрушка, господин Крымов. Она — живое существо.

— Поэтому она мне и нужна. Быстро.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Я могу встать?

— Держите руки на виду.

Беспалов поднялся с поднятыми руками, подошел к шкафу.

— Я могу открыть его?

— Одно лишнее движение — и вы мертвы.

— Понимаю.

ЛИЛИТ. Кукла из вечной тьмы

Старик открыл шкаф, нагнулся и достал огромный куль — что-то обернутое в стеганое одеяло и перевязанное бельевыми веревками.

— Положите на стол и разверните, — приказал гость.

Хозяин дома развязал бельевые веревки, развернул одеяло.

— Вот, смотрите, детектив.

— Отойдите. — Бородач дал отмашку стволом пистолета.

— Как скажете, — отступив, миролюбиво сказал старик.

На одеяле лежала хорошо знакомая гостю зеленоглазая рыжеволосая красавица-кукла. Он осторожно потрогал ее.

— И в ней заключена душа Лилит?

— Да, пока вновь не найдется та, которая понравится ей.

— И она вновь узнает и вас, и меня?

— Разумеется.

— Кажется, у нее сломана рука, — трогая куклу, заметил Крымов.

— Увы, это Гришаня напортачил по дороге. Поэтому я и обернул ее в одеяло. До починки.

Неожиданно Крымов очень решительно покачал головой:

— Нет, это нужно прекратить здесь и сейчас.

— Прекратить что именно?

— Всю эту чертовщину. Больше она ни в кого не переселится — я отпущу ее душу на волю.

— Что это значит — отпустите?

— Я сожгу ее.

— Этого нельзя делать!

— Почему?

— Она уйдет навсегда! Понимаете, навсегда!

— Конечно. Вместе с вами. Только вы вниз, а она вверх. Лилит нашла в себе силы измениться — я увидел

это за минуты до ее смерти. — Бородач направил ствол на кукольника. — Ну а вы, жрец Морока, готовы отправиться за своими предками в ад?

— Вы же это не серьезно, да?

— Еще как серьезно.

Кажется, бородач и впрямь не шутил. Голос старика дрогнул:

— Мы можем договориться, Андрей Петрович.

— Я был честным следяком, потом стал хитрым частным детективом, готовым идти на компромиссы с совестью. А теперь превратился в киллера. И все эти превращения прошли не без вашего участия. Все, к чему вы прикасаетесь, в конечном итоге становится черепками.

— Я откуплюсь — я очень богат, — пролепетал старик. — У меня десятки счетов...

— Как сказал мне недавно один олигарх, потерявший любимую женщину: «Их смерть — ваш билет на жизнь». Это о вас и Гришане. И я согласился. Пора отработать заказ.

— Не стоит этого делать... — Хозяин дома замотал седой головой: — Не стоит!..

— Уверен, Лика вас просила именно о том же. Там, в моем номере, в постели?

И без того бледный, старик побелел так, точно его осыпали мукой. Губы дрожали, язык заплетался.

— Детектив Крымов... Андрей Петрович...

— Где я нашел ее, укрытую простыней. Как поломанную куклу...

— Андрей Петрович...

— Это так? Просила?

Беспалов молчал.

— Говори, Кукольник.

— Да, — честно признался тот. — Просила.

И вдруг лицо его исказилось — оно стало страшным и жалким одновременно. В глазах раскаяния не было —

ЛИЛИТ. Кукла из вечной тьмы

только ненависть и страх. Но лютой ненависти пылало больше.

— Будь ты проклят во веки веков, чертов старик, — сказал бородач и направил ствол на его лицо...

Через минуту он сделал три снимка и отправил все шесть по нужному адресу. Что-то чиркнул фломастером на листе бумаги, нашел несколько кнопок. Затем бережно взял со стола куклу и направился с ней в коридор. Там перешагнул через Гришаню, открыл дверь и вышел на крыльцо. Вдохнул поглубже пронзительно свежий и еще морозный мартовский воздух, огляделся. Держа куклу под мышкой, Крымов прикнутил к двери записку: «Краска не нужна — мы уехали», спустился по ступеням и направился через кусты направо, к догорающему костру.

Он долго смотрел в зеленые глаза куклы.

— Пора тебя отпустить на волю, милая. — Губы его произвольно задрожали, перехватило горло. — Я буду тосковать о тебе всю свою жизнь.

Крымов бережно положил куклу в огонь. Вспыхнули рыжие волосы, синее платье. В считанные секунды кукла оказалась охвачена огнем. Пластмассовое лицо страшно исказилось и стало плавиться, лопнули один за другим глаза. Едкий химический дым густо потек вверх — детектив даже поморщился и отступил. Тело стало превращаться в бесформенные куски расплавленной пластмассы, оставляя стальной скелет с шарнирами суставов. Несмотря на уродство происходящего, Крымов понимал, что сейчас совершается удивительное таинство: душа женщины, колдовством загнанная в сосуд, навсегда уходит к небесам...